

В.И.ВЕРНАДСКИЙ И С.Н.ТРУБЕЦКОЙ:
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ КАК ЖИЗНЕ-
И СМЫСЛОСОЗИДАЮЩИЙ ПРИНЦИП

Алексеева Л.А.

Донецкий национальный технический университет

Жизнь постсоветских обществ можно метафорически уподобить образу разлетающейся Вселенной, в которой произошел практически полный распад структурных и функциональных связей, но, самое главное, потеряна личность, которая оказалась слабо привязанной к живой политико-культурной субстанции.

В этих условиях обращение к опыту жизни и деятельности ученого В.И.Вернадского и философа С.Н.Трубецкого, переживших в начале XX века подобную ситуацию распада общественного целого, повлекшую за собой личностную деградацию, имеет большое поучительное значение для личности и общества начала XXI века.

Опыт этих выдающихся личностей, имевших прямое отношение как к теории, так и к практике своего времени и поставивших целостность мировоззренческую, познавательную, нравственную, культурную на первое место в числе приоритетов своей эпохи, может служить руководящим принципом, позволяющим сохранить и личностную, и социальную целостность, преодолеть разобщенность бытия и в современное исторически переломное время.

В.И.Вернадский и С.Н.Трубецкой как сверстники и современники были связаны общим призванием и служением в Московском университете, где они практически одновременно начали свою научную и преподавательскую деятельность в конце 1880 – начале 1890 гг. Состоявшееся в стенах университета знакомство вскоре переросло в дружбу. Их связывала не только глубокая личная симпатия, но и общность духовных и нравственных идеалов, общественная активность, которая наиболее ярко проявилась в земском движении конца XIX – начала XX вв, в борьбе за свободу научной мысли и преподавания, за автономию высшей школы. Их объединял также взаимный духовный интерес к мировоззренческим проблемам, проблемам соотношения науки и философии, истории науки, истории философии. Известно, что С.Н.Трубецкой высоко ставил мировоззренческие поиски ученого-естествоиспытателя. Статью В.И.Вернадского «О научном мировоззрении» он оценил как «превосходную» и рекомендовал напечатать в журнале «Вопросы философии и психологии», где она и была впервые опубликована в 1903 году и вызвала живой отклик в философских и научных кругах.

В свою очередь, В.И.Вернадский, как и многие другие его современники, испытал на себе глубокое влияние незаурядной, цельной, универсально и свободно мыслящей личности С.Н.Трубецкого, облагораживающего воздействия его жизненной позиции.

Сергей Николаевич Трубецкой (1862-1905) – филолог, религиозный философ, главные интересы которого были сосредоточены в истории философии и, в частности, античной философии и раннего христианства. В этой области он защитил магистерскую диссертацию «Метафизика в древней Греции» (1890 г.) и докторскую диссертацию «О Логосе в его истории» (1900 г.). Будучи другом и сторонником выдающегося философа Вл.С.Соловьева, в русскую культуру С.Н.Трубецкой вошел как человек блестяще образованный, талантливый публицист, известный общественный деятель, приверженец конституционной монархии и автономии высшей школы, профессор и первый избранный ректор Московского университета, один из редакторов журнала «Вопросы философии и психологии» (1900-1905 гг.). С его именем связано заметное обогащение духовного опыта России. Безвременная кончина С.Н.Трубецкого (он ушел из жизни в возрасте 43 лет), по словам Л.М.Лопатина, «стала горем всей России, национальным горем» [1, с.167].

16 марта 1908 г., когда не прошло и трех лет после смерти С.Н.Трубецкого и все еще остро переживалось в Московском университете чувство потрясения в связи с его трагической утратой, В.И.Вернадский (на тот момент – профессор Московского университета) выступил с речью, посвященной памяти своего друга. Его речь «Черты мировоззрения князя С.Н.Трубецкого» в этом же году была опубликована в журнале «Русская мысль» и впоследствии была включена в «Сборник речей, посвященных памяти князя С.Н.Трубецкого» (1909). Затем она неоднократно переиздавалась.

Характеризуя время рубежа XIX-XX вв., в которое выпало жить и созидать Сергею Николаевичу, как безотрадное, время разброда, шатаний, неопределенностей, потери мировоззренческих ориентаций, В.И.Вернадский отмечает, что в этой ситуации Трубецкой не поддался общему настроению упадка и, вопреки ему, нашел в себе силы верой и правдой самоотверженно служить высшим смысложизненным идеалам. Понятно, что, будучи личностью неординарной, незаурядной, он осознанно взял на себя роль борца за высший смысл бытия подобно тому, как делал это в свое время его друг и учитель Вл.Соловьев. Интуиции Вернадского позволили ему сказать главные

слова о Трубецком: «Вся его жизнь была *борьбой*. Это не была борьба политика, не была борьба человека улицы или газетного деятеля, – это была борьба свободной мыслящей человеческой личности, не подчинившейся давящим ее рамкам обыденности. Своим существованием и непреодолимым проявлением себя самой она будила кругом мысль, возбуждала новую жизнь, разгоняла стгутившиеся сумерки. Та борьба, в которой прошла жизнь Сергея Николаевича, была борьбой ученого и мыслителя – она была проявлением вековой борьбы за свободу мысли, научного искания человеческой личности. Она была борьбой потому, что смело и твердо Трубецкой проявил *свою личность* в чуждой ей обстановке общественной забитости, общественного отчаяния, узкой кружковщины. Свободный, гордый дух его бестрепетно шел своей собственной дорогой» [1, с.159-160].

Любопытно, что в этой речи, посвященной князю С.Н.Трубецкому, Владимир Иванович сразу указывает на характер его личности – свободной и целостной. «Благодаря *целостности* его личности, – подчеркивает В.И.Вернадский, – все другие ее стороны получили на этом общем фоне необычное в нашей окружающей жизни выражение. Они ею не затемнялись и не погашались.

Он всегда оставался самим собой, всюду проявлял себя всего. Будучи мистиком, он в философии оказался критическим идеалистом, в науке – строгим и точным исследователем, в общественной жизни – сознательным деятелем. Философским мышлением и научной работой он заменил ненужные ему символические формы мистических настроений. В гармонии их – в своей личности – он мог убедиться, что несогласимые противоречия между этими сторонами человеческого существа рождаются лишь при подавлении какой-нибудь одной его стороной других ее проявлений» [1, с.165].

В этой связи отклик Вернадского на жизненную позицию Трубецкого представляет интерес особого рода, поскольку самому Вернадскому были безразличны проблемы общего мировоззрения, в том числе ученых и педагогов, от позиции которых зависит уровень, характер и цели просвещения в России.

В данной статье предпринимается попытка (цель) осмысления мировоззрения В.И.Вернадского через его интерес к мировоззренческой культуре князя С.Н.Трубецкого. Примеры разработки этой проблемы имеются в современной историко-философской науке (П.П.Гайденко, М.А.Маслин, Р.К.Баландин и др.). Однако нам представляется принципиально важным продолжить это осмысление в двух направлениях, обозначенных самим Вернадским.

В.И.Вернадский обращает внимание на то, что жизнь и философское мышление С.Н.Трубецкого – это живой пример глубокой гармонии обычно разделенных проявлений духовной жизни человека. «Его *личность* – отмечает Владимир Иванович, – всюду вносила необходимый корректив и создавала своеобразную гармонию. Ее создание, его философская система, является одной из наиболее оригинальных и глубоких проявлений свободного личного творчества. Этим она получает чрезвычайно целостное выражение» [1, с.165].

Принцип целостности как основополагающий мировоззренческий и научный принцип С.Н.Трубецкого получает свое философское воплощение в развиваемой им идее соборности и, как отмечает П.П.Гайденко, в его убеждении в том, что личность не может быть мыслима вне общественного целого. И далее, развивая это положение, она указывает на преемственную связь между Трубецким и славянофилами. Идея соборности не является открытием Трубецкого, эта идея принадлежит славянофилам, «критиковавшим евро-пейскую философию за ее индивидуализм, распространявшийся как на трактовку познания, так и на понимание человека... С.Н.Трубецкой расходился со славянофилами по вопросам общественно-политическим, историческим, церковным, но в понимании человека и природы человеческого знания во многом был с ними согласен. Познание он рассматривал как живой универсальный процесс, осуществляемый людьми совместно» [2, с.23].

Подлинное знание, по мнению Трубецкого, может быть получено в процессе гармоничного сочетания опыта, разума и веры.

Имея в виду наличие отмеченной преемственности между Трубецким и славянофилами по вопросу соборности, необходимо, однако, прислушаться и к мнению М.А.Маслина, не без основания заявившего, что «у Трубецкого рамки этого понятия существенно раздвигаются» [3, с.7].

Размышляя над вопросом – индивидуально ли, субъективно ли сознание или же оно соборно?, – Трубецкой становится убежденным сторонником концепции соборного сознания. В работе «О природе человеческого сознания» он выдвигает свое понимание соборности сознания и того, как оно возможно. «Я думаю, – пишет Трубецкой, – что человеческое сознание не есть мое личное отправление только, но что оно есть коллективная функция человеческого рода. Я думаю также, что человеческое сознание не есть только отвлеченный термин для обозначения многих индивидуальных сознаний, но что это живой и конкретный *универсальный* процесс. Сознание обще всем нам, и то,

что я познаю им и в нем объективно, т.е. всеобщим образом, то я признаю истинным – от всех и за всех, не для себя только. Фактически я по поводу всего держу внутри себя собор со всеми. И только то для меня истинно, достоверно всеобщим и безусловным образом, что *должно* быть таковым для всех. Наше общее согласие, возможное единогласие, которое я непосредственно усматриваю в своем сознании, есть для меня безусловный внутренний критерий, точно так же как внешнее, эмпирическое согласие относительно каких-либо опознанных, общепризнанных истин есть критерий внешний, авторитет которого зависит от первого» [4, с.495].

Очевидным выражением соборности сознания С.Н.Трубецкой считал слово. Каждое слово, в его понимании, доказывает факт коллективного сознания. Посредством слов человек мыслит, в форме слова его мысль получает свое выражение, объективно обобщается. Слово предполагает органическую способность взаимного понимания, родовое психологическое единство людей, их общение, врожденную способность речи, общую всем нормальным индивидам человеческого рода [4, с.497-498].

Небезынтересны и другие аргументы С.Н.Трубецкого относительно соборности сознания. Мы все, рассуждает он, неотрывно связаны с окружающим миром не только материально, но и духовно. Эта связь расширяет пределы нашей личности. Воспроизводя и обобщая мысли Трубецкого о соборности сознания, Р.К.Баландин интерпретирует их следующим образом: «Своим знанием слов, языка, самой способностью мыслить мы обязаны другим людям, многим поколениям, а в пределе – всем людям за все время их существования, ибо сами являемся крохотной частичкой всего человечества. ... Мозг в таком случае предстает лишь средством для восприятия всего того, чему мы научились – у кого-то и в связи с чем-то и что досталось нам генетически. И тогда оказывается, что даже далекие звезды и незримые атомы принимали участие в нашем сознании. Оно предстает именно как осознание, знание со всеми; как частичка всеобщего знания. Индивидуальное сознание невозможно, немислимо без такого всеобщего сознания» (См.: [5, с.313]).

Но и у самого Трубецкого, как можно увидеть ниже, эти же интуиции достаточно очевидны: «Большинство человеческих действий и характеров определяется врожденными свойствами, воспитанием и влиянием общественной среды, - *унаследованным и внушенным* сознанием» [4, с.556].

Рассматривая вопрос о природе сознания, Трубецкой пришел к выводу: сущность сознания – в его соборности. С этих позиций им

осмысливается и проблема формирования языка и мышления в индивидуальном развитии человека как результата взаимообусловленного влияния факторов природного, социального и высшего духовного (идея вселенского сознания) порядка. Сам философ мыслил мировой процесс, организованный Логосом, но при этом в качестве участников этого процесса допускал человека и человечество как субъектов «малого» логоса. Однако в использовании «малого» логоса Трубецкой видел проблему. «Для того, чтобы овладеть словом и рассудком, – полагал Сергей Николаевич, – человек должен быть воспитан людьми. С одними врожденными способностями, имея язык и разум, он никогда не выучился бы говорить и думать. Ибо органическая соборность человеческого сознания предполагает не только родовое единство, но личное живое общение между людьми, – и не только род и индивид, но особое сверхличное начало, в котором примиряется родовое с индивидуальным» [4, с.498].

Подводя итоги *предварительного понятия* о природе сознания, С.Н.Трубецкой делает вывод: «Сознание не может быть ни безличным, ни единоличным, ибо оно более чем лично, будучи соборным» [4, с.498]. Но при этом философ не считал соборное сознание единственно возможным, он не исключал субъективное, личностно-сознательное бытие, объективное существование идеалов, идей. Отстаивая соборность сознания, Трубецкой, тем не менее, осуществлял анализ и тех учений, которые рассматривали сознание как личную функцию, чтобы убедительно представить свой вывод. Такова позиция объективного и добросовестного исследователя, каким и был наш великий философ.

Расширяя представление о соборной природе сознания, Трубецкой анализирует в рамках христианской нравственности *любовь* как деятельное, практическое воплощение принципа соборности, предварительно исследовав ее природу, эволюционный путь становления. В упомянутой уже работе «О природе человеческого сознания» он писал: «Мы знаем любовь как естественную склонность, как нравственный закон, как идеал; она является человеку сначала как инстинкт, затем как подвиг, наконец, как благодать, дающаяся ему. Ибо по мере нравственного его развития он все глубже проникается ее сознанием. Сначала он естественно *ощущает* расположение к некоторым людям и в своей семейной жизни учится сочувствовать им и жалеть их. Затем, по мере того, как его общественный кругозор расширяется, он *сознает* общее значение нравственного добра, он видит в любви свой *долг*, понимает

ее как всеобщий закон и признает как заповедь над собою, чтобы, наконец, поверить в любовь как в Божество» [4, с.587]. Стремясь постигнуть основной «механизм», который обеспечивает природу соборности, С.Н.Трубецкой показывает, как в стихии любви рождается соборность и как она поддерживается, укрепляется через высший смысл любви.

Здесь важно иметь в виду также трактовку понятия «соборное сознание» у Трубецкого, на которое обращает внимание П.П.Гайденко. «Понятие «соборное сознание», которое предполагает единение людей, их согласие и любовь, – отмечает она, – и понятие «вера» тесно между собой связаны» [2, с.36-37]. Как известно, вера у Трубецкого не противостоит разуму. Исходя из этого, П.П.Гайденко характеризует главное мировоззренческое кредо С.Н.Трубецкого: «философ остается приверженцем Логоса, дополненного верой, ибо убежден, что в основе мира – духовное разумное и любящее Начало, а потому мир в сущности своей благ. Отсюда проистекает оптимизм С.Н.Трубецкого, здесь источник его деятельной энергии, его сочувственного отношения ко всем благим начинаниям, его неутомимой академической и гражданской деятельности на пользу науки и отечества» [2, с.37].

Умение С.Н.Трубецкого гармонично сочетать религиозную веру с рациональным способом постижения мира было весьма оригинально отмечено и русским философом старшего поколения Л.М.Лопатиным. В его работе «Современное значение философских идей князя С.Н.Трубецкого» мы находим такие слова: «Подобно своему другу Соловьеву, князь Трубецкой умел соединять с горячей и непоколебимой религиозной верой совершенное свободомыслие. В своей философии князь Трубецкой был сознательный рационалист. ... Он верил во внутреннюю разумность сущего, и поэтому верил, что разум, при серьезном и вдумчивом отношении к его требованиям, нас не выдаст и не обманет. Он заботливо вскрывал антиномии и в бытии и в познании, но для того, чтобы разрешать их в примирительных синтезах» (Цит. по: [2, с.37]).

Развивая идею соборности сознания, С.Н.Трубецкой не обошел вниманием вопрос о взаимоотношении личности и общества, его своеобразное решение было названо «метафизическим социализмом».

Выделяя нравственные приоритеты в целостной духовной и социальной характеристике личности, С.Н.Трубецкой природу личной нравственности, определяет через основные этико-нормативные принципы, выработанные в ходе исторического развития человечества. В соответствии с ними личность и должна выстраивать

свои отношения с другими людьми, обществом – в целом. «Человеческая личность, – пишет он, – есть *цель в себе* – таково основное предположение нравственного сознания. Наши ближние должны быть для нас не средствами, но целью сами по себе в нашем действии, в нашем общении с ними. И в сознании своей самобытности мы требуем и от других общего признания нашего законного *права*, нашего неприкосновенного *личного достоинства*» [4, с.576]. Как видно, здесь содержится предписание поступать высокоморально, поступать соответственно нравственному закону, общественному идеалу. Здесь содержится требование рассматривать других людей и человечество в целом как цель саму по себе и никогда как средство.

Вместе с тем, соборность мыслится С.Н.Трубецким как некое совершенное общество, в терминологии философа – «метафизический социализм». «Утверждаемая отвлеченно, обособленная индивидуальность, – полагает он, – обращается в ничто; она сохраняется и осуществляется только в обществе, и притом в совершенном обществе» [4, с.577]. Совершенное общество, в понимании Трубецкого, – это идеал, к которому стремится человечество, «в нем должен править закон любви» [2, с.26], а «любовь есть единство всех в одном, сознание всех в себе и себя во всех» [4, с.592]. Но такая совершенная, божественная Любовь не может быть осуществлена в каком-либо естественном человеческом союзе, она предполагает *совершенное* общество, богочеловеческий союз или Церковь [4, с.592].

Тема соборности не теряет актуальности и в настоящее время. Исследователи продолжают обращаться к ключевым ценностям соборности. Так, проф. Ф.В.Лазарев считает, что для современного прочтения темы соборности важны три исходные категории – единство, свобода, солидарность. Осознавая сложность, противоречивость реальных процессов, которые открываются за этими терминами, опасность их обособления в ходе осуществления, Ф.В. Лазарев не без основания предостерегает: «Единение без свободы ведет к тоталитаризму, свобода без общности – к индивидуализму и анархии» [6, с.190].

Как видим, в современной философии обнаруживается немало удивительных переключек с темой «Вернадский–Трубецкой». «Человек – всегда только высшая ценность, – с надеждой утверждает современный философ, – самоцель и никогда средство в руках другого человека, социального слоя или государства. Свобода творчества и самостроительства личности – исток духовности. Вопрос в том, на каких ценностях воспитывать подрастающее поколение, на

что равняться: на ценности рынка или ценности духа, на право сильного или на традиции взаимопомощи, на психологию воровства или принцип совести?» [6, с.190-191]. Человек и сегодня стоит перед необходимостью осуществить нелегкий выбор: довольствоваться ли повседневными прагматическими интересами или солидарно с другими служить высшему смыслу бытия.

Чтобы собрать воедино распадающуюся социальную целостность, проф. Ф.В.Лазарев возлагает большие надежды на соборность как высший нравственный и социально-организующий принцип духовного возрождения общества, утверждения оптимизма, человеческого достоинства, принципа социальной справедливости как необходимого условия созидания социального государства, главной задачей которого должна стать забота о человеке, о создании условий для его всестороннего духовного и физического развития, для его самореализации.

Целостность и гармоничность личности С.Н.Трубецкого проявилась еще в одном важном аспекте его учения о соборности, на который обратил внимание профессор М.А.Маслин. Подлинным выражением соборного сознания Трубецкому представлялся университет. «Нам нужно, – считал он, – чтобы университет перестал быть агрегатором «отдельных посетителей», чтоб он стал одним цельным организмом, одушевленным одними и теми же научными и нравственными идеалами» (Цит. по: [3, с.8]). Понимание общественного и культурно-нравственного значения университета как корпорации особого типа сложилось у Трубецкого в годы студенчества, а затем и преподавательской деятельности в Московском университете, а также в процессе ознакомления с опытом постановки университетского образования в Германии (1890-1891).

Обогащенный европейским опытом, С.Н.Трубецкой развивал идею университетской корпоративности на русской почве, в том числе на посту ректора Московского университета. Неоднократно выступая перед общественностью университета, он акцентировал внимание на поиске «правильного пути к выработке русского, самобытного и национального университета», который, в его представлении, должен стать «светлой культурно-общественной силой», так необходимой России [3, с.8]. Как видно, здесь нет речи о простом копировании, бездумном повторении европейского образовательного опыта. Здесь определяется другая позиция – позиция творческого осмысления и использования полученного опыта, поиска правильного пути для созидания национального

университета, способного решать назревшие задачи общественного и культурного развития России-Евразии.

Такая позиция была характерна и для В.И.Вернадского. В самом начале XX века, обзревая историю развития русских университетов, В.И.Вернадский отмечал, что они испытали на своем пути разнообразное влияние более древних европейских университетов (немецких, голландских, шведских, польских) и учебных заведений Украины (например, Киево-Могилянской академии, Кременецкого лицея и т.д.). Но при этом, сохраняя общие с ними образовательные принципы, университеты России находили своеобразную форму их выражения, соответственно своим условиям и назревшим общественным задачам. Подчеркивая это, Владимир Иванович писал: «В живом и могучем теле русского государства и общества, очевидно, не могло быть места механическому перениманию» [7, с.120].

Нельзя не согласиться с В.И.Вернадским (который прекрасно знал Россию, историю русских университетов и не понаслышке – их положение, аккумулировал богатый опыт постановки университетского образования в Западной Европе), когда он писал, что не могло быть и речи о слепом копировании западного опыта и бездумном подражании чужому.

В современных условиях, когда с упорством, достойным лучшего применения, насаждаются западные стандарты образования, было бы непростительной ошибкой забывать богатую образовательную традицию России и Украины, которая в концентрированной форме предстала в просветительской и организационно-образовательной деятельности С.Н.Трубецкого и В.И.Вернадского. В последние годы становится все очевиднее, что радужные надежды, возлагающиеся на западный образовательный стандарт, не оправдали себя. Более того, как неоднократно отмечалось в российских и украинских научных кругах, ориентация на узкую специализацию привела к снижению уровня фундаментальной и гуманитарной подготовки специалистов и тем самым поставила под вопрос научный и человеческий потенциал нашего общества.

А между тем, первоначальный замысел Болонского процесса (который репрезентирует западную образовательную модель) заключается в том, что образование формирует страну и цивилизацию, обеспечивает качество главного в XXI веке геокультурного стратегического ресурса, каким является человек. Поэтому интеграция в европейское образовательное пространство не должна сводиться к приспособлению к зарубежным правилам. Она с необходимостью требует культивации собственной системы

образования, отвечающей реалиям нашей экономики, соответствующей национальным интересам своей страны. Используя лучшие достижения европейского образовательного опыта, важно обогатить ими собственные, проверенные временем традиции отечественного образования.

Отсутствие четко выраженной собственной позиции в этом вопросе ведет к превращению нашей страны в демографический и сырьевой придаток Европы – страны, из которой стремятся выехать наиболее образованные, квалифицированные, талантливые молодые люди. Если будет и далее продолжаться некритическое, слепое следование зарубежным образцам высшего образования, то еще более усилится отток самой активной и трудоспособной части населения Украины.

Подводя итоги, следует допустить, что в личности философа Трубецкого естествоиспытателя Вернадского интересовали цельность его натуры, тяга к мировоззренческому универсализму, соборным масштабам личности, университета, общества. Это допущение основывается на том, что сам Вернадский реализовывал мировоззренческую позицию, близкую Трубецкому, в частности, будучи Президентом АН Украины, ректором Таврического университета и в своей разнообразной академической деятельности.

Что касается диалога «Вернадский–Трубецкой», то следует подчеркнуть следующее. Общий для обоих мировоззренческий выбор, сделанный в начале XX века русским ученым и русским мыслителем, оказался не только более достойным, но и, как показало время, исторически оправданным и может служить руководящим, конструктивным принципом, позволяющим сохранить и личностную и социальную целостность, преодолевая разобщенность социального бытия.

Литература

1. Вернадский В.И. Черты мировоззрения князя С.Н.Трубецкого // В.И.Вернадский. О науке. Том I. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. – Дубна: Изд. центр «Феникс», 1997. – С. 159-167.
2. Гайденко П.П. «Конкретный идеализм» С.Н.Трубецкого // Трубецкой С.Н. Сочинения / Сост., ред. и вступ. статья П.П.Гайденко; Примеч. П.П.Гайденко, Д.Е.Афиногенова. – М.: Мысль, 1994. – С.3 -41.
3. Маслин М.А. С.Н.Трубецкой как русский философ // Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС; Русский Двор, 1997. – С. 3 – 14.

4. Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания // Трубецкой С.Н. Сочинения / Сост., ред. и вступ. статья П.П.Гайденко; Примеч. П.П.Гайденко, Д.Е.Афиногорова. – М.: Мысль, 1994. – С. 483-592.
5. Баландин Р.К. С.Н. Трубецкой. Соборность сознания // Баландин Р.К. Самые знаменитые философы России. – М.: Вече, 2001. – С. 312-315.
6. Лазарев Ф.В. Славянское древо. Книга судеб. – Симферополь: СОНАТ, 2003. – 248с.
7. Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы // В.И.Вернадский. О науке. Том 2. Научная деятельность. Научное образование. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2002 – С. 115-147.
8. Зеньковский В.В. История русской философии. – Ленинград: «Эго», 1991. – Том II – Часть 2. – С. 95-105.
9. Вернадский В.И. Дневники. 1917-1921 (январь 1920 – март 1921). – К.: Наукова думка, 1997. – 328 с.